

Когда Сюй Имин стоял с тяжело вздымающейся грудью и сбитым дыханием, Цзян Юй снова вытащил руку из кармана и на этот раз по-настоящему взял его за руку.

Они прижались друг к другу, их кожа казалась слегка прохладной — как же холодно.

Сюй Имин обнял за талию прижавшегося к нему человека, просунул руку под пальто и провел по его спине: — После Нового года мне исполнится тридцать один.

— Не переживай, мой психологический возраст всего на четыре года меньше твоего. — От его поглаживаний температура тела Цзян Юя начала подниматься, и он, недолго думая, запрокинул голову и прихватил зубами его подбородок.

Сюй Имин приподнял брови: тот даже точный возраст назвал, говорил так уверенно, будто и правда.

— Ужасно холодно, сегодня на улице не меньше минус десяти.

Слушая ворчание над ухом, Сюй Имин почувствовал нечто странное: неужели это и есть романтические отношения? Ощущения оказались вполне неплохими.

— Иди быстрее, тебе тридцать один, а не восемьдесят один, чего ты плетешься и возишься? — Цзян Юй потянул Сюй Имина за руку, заставляя ускорить шаг.

У Сюй Имина дернулся уголок глаза — разве что изредка он испытывал легкую беспомощность.

На следующее утро Цзян Юя разбудила вибрация телефона: позвонил Му Чэнь и велел возвращаться домой к обеду.

Сбросив вызов, Цзян Юй встал, отправился в мастерскую и остановился прямо перед Сюй Имином: — На день рождения Му Чэня тебе пришло приглашение? — В его тоне звучала уверенность.

— Угу. — Сюй Имин не выпускал из рук кисть, а на холсте из крупного глазного яблока, помещенного в сосуд, одна за другой проступали кровавые трещины.

Он всё еще недостаточно мне доверяет. Цзян Юй молча вышел из мастерской.

Добавив на глазное яблоко третью кровавую трещину, Сюй Имин тяжело вздохнул. Он поднялся, вышел наружу и замер от испуга, увидев юношу, сидящего на перилах балкона: — Иди сюда.

— Чего ты нервничаешь, я же не собираюсь прыгать. — Цзян Юй вдохнул прохладный воздух. — Стоит забраться повыше, как открывается вид, недоступный остальным, но за это приходится платить большим риском.

Лицо Сюй Имина не разгладилось — слишком опасное место.

Ухватившись за поручень, Цзян Юй повернул голову. Из-за растрепанных ветром прядей в его иссиня-черных глазах отражалось что-то темное и неразгаданное, а уголки губ медленно растянулись в улыбке: — Если я превращусь в калеку, ты станешь о мне заботиться?

Сюй Имин ответил совершенно спокойно: — Нет.

Всякий понимал, что их связь еще не достигла той великой высоты, когда клянутся делить и бедность, и богатство, и болезнь, и здоровье.

Если бы Сюй Имин ответил утвердительно, он бы и сам не поверил собственной лжи.

— Как невыгодно, — равнодушно потянулся Цзян Юй лицом к утреннему туману. В прищуренных глазах мелькнул слабый расчетливый огонек.

В день банкета Цзян Юй и Сюй Имин прибыли одновременно, одетые в костюмы в одном стиле.

Му Сыфань, стоявший подле Му Чэня, напоминал заносчивого богатого наследника, который, гордо задрав подбородок, принимал чужие похвалы. В тот момент, когда он заметил Сюй Имина, его глаза загорелись, но стоило появиться Цзян Юю, как весь этот блеск мгновенно угас.

Воспользовавшись тем, что несколько коллег окружили Сюй Имина, Цзян Юй перебросился парами слов с Му Чэнем и покинул главный зал. Стоило ему побыть в тишине буквально пару минут, как за спиной раздался обвинительный голос:

— Почему ты пришел вместе с учителем?

Неизвестно, показалось ли Му Сыфаню, но он заметил, что бокал в руках собеседника держался с такой непринужденной элегантностью, словно тот был аристократом, выросшим в высшем свете.

— Глупый братец, а как по-твоему, почему? — Цзян Юй слегка покачал красное вино в бокале, пригубил его и, наклонившись, шепнул что-то прямо на ухо Му Сыфаню.

Краска мгновенно сошла с лица Му Сыфаня, и он плеснул вином прямо в лицо Цзян Юю.

Эта сценка привлекла внимание проходившего мимо официанта. Тот бросился бегом звать Му Чэня. Цзян Юй слизал стекающие капли алкоголя и устремил взгляд на приближающегося мужчину — тот шел по-прежнему уверенно, разве что шаги стали чуть быстрее.

Завидев идущего Сюй Имина, Му Сыфань затрясся всем телом и указал пальцем на Цзян Юя: — Учитель, это он! Это он специально вывел меня из себя... Это не я...

Сюй Имин платком стер вино с лица Цзян Юя, и в его голосе послышался вздох: — Какой же ты озорник.

Ни упреки, ни скрытая нежность в этих словах не укрылись от окружающих. Мертвенно-бледный Му Сыфань закусил губу, с неверием вглядываясь в Сюй Имина: он никак не мог принять, что человек столь высокого положения станет возиться с каким-то никчемным уличным хулиганом.

Сюй Имин снял пиджак, а Цзян Юй обвил руками его шею. Эта интимная сцена повергла подошедшего Му Чэня в полный шок: — Господин Сюй, вы с моим сыном... Вы что?..

С каких это пор они стали так близки?

— Мы встречаемся.

Сюй Имин подхватил Цзян Юя на руки и удалился под остолбеневшим взглядом Му Чэня.

Не обращая внимания на любопытные взгляды, бросаемые из зала, Сюй Имин вывел Цзян Юя из отеля на улицу: — Ты намеренно разозлил Му Сыфаня, чтобы проверить, брошу ли я всё ради тебя и признаю ли наши отношения перед Му Чэнем?

Ума палата, а коварства еще больше — всё тщательно спланировал. Если бы он не забеспокоился и не пошел следом, ни за что бы не догадался.

Цзян Юй изогнул губы: — Что, испугался? — Он хотел узнать, насколько сильно Сюй Имин переживает и какое место занимает в его сердце, потому и воспользовался руками Му Сыфаня.

Сюй Имин молча посадил Цзян Юя в машину. Когда автомобиль отъехал далеко от центра города и остановился на пустыле за городом, он отстегнул ремень, обошел машину и открыл дверь.

Они занялись любовью прямо в салоне. Сюй Имин связал Цзян Юю руки галстуком над головой и взял его жестко, в качестве наказания, без всяких прелюдий — от боли Цзян Юй до крови укусил его за ухо.

В машине витал слабый шлейф недавней страсти, смешанный с запахом крови. Голос Сюй Имина слегка охрип: — Прости, я погорячился.

Цзян Юй, свернувшись калачиком под пледом, все еще не мог смахнуть влажный румянец с уголков глаз: — Если есть что спросить — спрашивай.

Чем дольше они общались, тем яснее Сюй Имин понимал: перед ним вовсе не безответная ручная овечка, а свирепый горный волк, в котором кроется ужасающая взрывная сила.

В этих спокойных отношениях он поначалу считал себя хозяином положения, но в конце концов понял, как сильно заблуждался. Руки Сюй Имина на руле судорожно сжались.

— Я думал, ты хочешь получить от меня...

— Деньги? — Цзян Юй насмешливо фыркнул, а затем расхохотался с совершенно непозволительной разнузданностью.

От его запредельной дерзости взгляд Сюй Имина потемнел: — Ты слишком себе на уме, тебя не раскусить.

— Меня интересуешь только ты сам, а вовсе не твое состояние или заслуги. — Цзян Юй постучал пальцем по кожаному сиденью. — Сюй Имин, услышал — отвечай.

— Услышал. — Уголки губ Сюй Имина сами собой поползли вверх.

Поерзав на месте, Цзян Юй протянул руку и ухватил его за рукав: — Жутко болит задница.

Сюй Имин повернул голову, поправил сползший с его плеч плед и сильно сбросил скорость.

В канун Малого года, проводив последнего посетителя, Цзян Юй запер книжную лавку, погасил яркий свет у входа, оставив лишь небольшие лампы над стеллажами. В мягком желтоватом свете всё вокруг сразу стало уютным.

Сюй Имин, устроившись на стуле в задней части зала, держал маленькую баночку сухого молока. Обмакнув палец в порошок, он облизал его и перевел ничего не выражающий взгляд

на Цзян Юя.

Глядя, с каким аппетитом тот лакомится порошком, Цзян Юй почувствовал, как по всему телу зачесались руки — наконец-то подействовало это чертово средство для заднего прохода.

— Пить не хочешь?

Сюй Имин впился поцелуем в приоткрытые губы напротив, задрал его свитер. Вкус молока во рту становился всё насыщеннее, а пульсирующие волны возбуждения внутри заставляли тело то замирать, то рваться вперед.

Поцелуй разжигал пламя страсти всё сильнее.

В магазине работал кондиционер, но стоило Цзян Юю полностью обнажиться, как его пробрала легкая дрожь. Прижавшись спиной к книжному шкафу, он ощущал, как молочно-белая пыльца застилает глаза, а в носу стоял густой аромат сухих сливок. Ему казалось, будто он — обмазанная молоком рыба, которую здоровенный кот катает лапой туда-сюда и усердно облизывает. Скользящий влажный язык казался усыпанным крошечными шипиками: он не только слизывал с тела всю молочную пыльцу, но будто проходил даже по порам.

— Щекотно... До смерти щекотно! — Цзян Юй попытался почесать шею в том месте, где тот только что проходил языком.

Сюй Имин прихватил его за подбородок и языком влил в его приоткрытый рот зажатую на языке порцию порошка; молочная сладость растаяла в их смешанной слюне.

— Слишком сладко, не надо... — сдавленно пробормотал Цзян Юй носом. Непонятно, что это была за марка, но и сладость, и молочный дух оказались чересчур концентрированными.

Когда Сюй Имин крепко обнял его, Цзян Юя захлестнула смесь боли и пронзительного удовлетворения, и в этот момент до него дошло: его вот так запросто поимели, и теперь у него появилось стойкое предчувствие, что впредь придется только защищаться, не имея шанса на контратаку.

Чем больше он об этом думал, тем сильнее убеждался, что так оно и есть. Цзян Юй машинально сжал пальцы в кулаки, а в глазах мелькнули мрачные искры. Мысленно он выругался пару раз на систему, которая заявила, что то средство закончилось, и ей пришлось отправляться за покупками.

Попадись же ему эта капризная и ненадежная система со всеми ее фокусами! Цзян Юй холодно усмехнулся: ему безумно захотелось лично повстречать того первого парня, что прошел проверку на прочность, хотя бы ради утешения.

Капли мелкого пота скатывались со лба Сюй Имина. Слизав остатки молочного порошка с задней части его шеи, он сделал резкое движение: — Ты о чем-то отвлекся?

— А всё потому, что ты недостаточно стараешься. — Цзян Юй легко фыркнул и, задыхаясь, дерзко рассмеялся.

Хоть на словах Цзян Юй и одержал верх, телу пришлось несладко: от сильной тряски ему в конце концов пришлось вцепиться в полки шкафа и свалить на пол целую стопку книг.

Дзынь! Поздравляем господина Цзяна с успешным завершением ивента книжная лавка.

Цзян Юй, принимавший на себя уже третью волну штурма от Сюй Имина, услышал этот звонкий голосок в голове и на секунду замер. Крепко обхватив Сюй Имина за шею, он нахмурился:

— В смысле — всего один раз? Какого черта, я уже трижды кончаю!

— Дзынь! Согласно календарному исчислению, хоть сто раз за один день — всё равно засчитывается за один. Просим прощения, произошел досадный казус.

Господин Цзян снова попался на удочку текстовых уловок.

Они покинули магазин уже за полночь. Цзян Юй, смертельно уставший и засыпающий на ходу, висел у Сюй Имина на спине: одной рукой он обнимал его за шею, а другой лениво тербил его все еще влажные пряди, то и дело задевая пальцами кожу.

Шагая к машине, Сюй Имин даже отрывивал молоком — переборщил.

<http://bllate.org/book/25413/3029637>